

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Исабек АШИМОВ

**Недостаточность человека.
Социально-философская повесть**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Недостаточность человека. Социально-философская повесть /
И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643200-0

Не секрет, что зло — это циклический феномен. Как прервать проклятье круга зла? Найдём ли ответ на этот глобальный вопрос, найдём ли его решение?! Но что такое само зло? В чем заключается его природа и смысл? Наш мир несовершенен, несовершенны и люди. Между тем, онтологическая недостаточность человека является фабрикой зла. Отсюда, нужно повышать уровень научно-мировоззренческой культуры людей, чтобы разорвать круг зла. Между тем, это проблема, над решением которой бьются ученые и мыслители.

ISBN 978-5-00-643200-0

© Ашимов И.

© Издательские решения

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	6
ГЛАВА 1	7
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЗЛА	8
ГЛАВА 2	27
БЕСЕДЫ О ФИЛОСОФИИ ЗЛА	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Недостаточность человека

Социально-философская повесть

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2024

ISBN 978-5-0064-3200-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К ЧИТАТЕЛЮ

В романе речь идет о таком феномене человечества, как проклятье Круга Зла. Природа зла такова, что она бесконечна. Но что такое само Зло? В чем заключается его природа и смысл? Человечество не раз «переживало» ценный исторический опыт «наступления на грабли». В целом наш мир не совершенен, несовершенны и люди, а потому вероятно вечно будем совершать немало непоправимых ошибок. Но как научить людей избегать повторения глобальных ошибок? Как разорвать Круг Зла? Вот в чем вопрос, над которым бились мыслители многих поколений.

В книге говорится о том, что сегодняшний день определяет лицо завтрашнего – поэтому мы должны помнить о своей ответственности. Мы должны быть ответственными, преданными целому человечеству, так как судьба нашей цивилизации неразрывно связана с нашими судьбами, и от нас – человеческого общества зависит процветание или гибель цивилизации. Нужно готовить людей с очень высоким уровнем интуиции, сознания, культуры, интеллекта, прозорливости, чтобы противостоять Злу.

Профессор Каракулов мечтает о реальности усиления умственных возможностей людей с помощью искусственного усилителя. Мечтает подарить людям эффективное творчество на уровне высокой одаренности. Однако, природа бесконечна, процессу познания нет границ, нельзя раз и навсегда понять мир и поставить точку. Между тем, очевидно, мало кто задумывался над вопросом: что сделали бы люди, преисполненные всей премудрости мира? Преодолеет ли человек свою онтологическую недостаточность путем системного повышения уровня научно-мировоззренческой культуры? Рассуждения о принципиально новых средствах познания и обучения – это так, на поверхности. А в мыслях, в глубине души?

Все события, персонажи, имена – вымышлены, а любые совпадения – случайны. Чего не скажешь о научно-философской выкладке. Они вполне реальны, хотя отдельные утверждения спорны по существу. Книга рассчитана на широкий круг читателей, может привлечь внимание студентов и научных работников, а также всех тех, кто интересуется философскими вопросами современности и теории познания.

Исабек Ашимов

ГЛАВА 1

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЗЛА

Разговор о радиационных могильниках

Поздняя осень, на улице моросить мелкий холодный дождь, туман становится все гуще, так, что с окна здание гуманитарного отдела Академии наук напротив уже почти невозможно разглядеть. Неторопливое рабочее утро в Институте биосферы. В кабинете тепло, тишина, покой. Профессор Султанов в своем кресле у окна и его аспирант Тимур в углу справа от двери за своим столом, где высится целая стопка свежих газет, были поглощены чтением газет. Кстати, это была обычная утренняя обстановка, когда не планировался эксперимент, ученое собрание либо совещание у начальства. Как правило, лишь после того, как газеты уже прочитаны, завершены текущие научные консультации, Тимур вставал и включал электрочайник, а далее – неторопливое чаепитие с разговорами о том, о сем.

И на этот раз, Тимур, не издав ни единого звука заварил чай, разложил печенье и конфеты на тарелку и снова вернулся к своим газетам. Спустя некоторое время, когда уже чай был готов к употреблению, он обратился к профессору. – Марат Султанович! Пойдемьте на чай. Читали новость? Опять Чернобыль фонит.

– А что случилось? – спросил Султанов, споласкивая свою кружку.

– Пишут, что саркофаг, построенный над четвёртым энергоблоком, что когда-то взорвался, постепенно разрушается. А ведь прошло более тридцати лет и теперь вот снова необходимо утихомирят радиацию.

– Понятно. Значит, саркофаг накроют сверху еще одним саркофагом?

Султанов откинулся в кресле и устало прикрыл лицо обеими ладоньями. – Значит построят еще один саркофаг, а потом через года и столетия еще и еще... – устало вздохнул он, отнимая руки от лица.

– Получается так. – Тимур утвердительно кивнул. Видя, что Султанов не настроен на беседу, замылся, поерзал, потом махнул рукой. – Вот послушайте, о чем пишет газета: – Эксперты высказывают опасения о возможном радиоактивном выбросе, если не укрыть разрушающейся бетонный саркофаг. Европа вновь бьёт тревогу по поводу вероятной экологической катастрофы.

– М-да..., – удрученно протянул профессор. – Значит, запад вновь засуетился?

Султанов не был из тех профессоров, которые при беседе с молодыми коллегами непременно говорили «я вспоминаю о тех временах...», «мне чертовски повезло, что...», «те еще были времена...». Причем, непременно попрекая молодежь за их не собранность, безответственность и прочие недостатки. Тимуру нравился широчайший кругозор профессора, его манера беседовать и рассуждать – предметно, обстоятельно, ему нравилась его стиль беседы и спора, ни в коем случае не принижая достоинство личности собеседника.

– Ну, да. Франция и Германия уже предложили концептуальный проект нового саркофага «Укрытие», основная функция которого заключается в ограничении распространения нового радиоактивного выброса из-под саркофага.

– М-да... Сколько лет уже прошло, а радиационная обстановка там до сих пор остается паршивой. Ну, а если саркофаг сдаст, то беды не миновать, – вслух рассуждал профессор, мысленно представляя себе масштаб радиационной катастрофы. – Впрочем, многие уже давно знали и понимали, что рано или поздно Чернобыльская авария о себе вновь напомнит. Пожалуй, так оно и выходит.

Тут Тимур остановился в нерешительности: либо оставить в тылу что-то, может быть, очень важное, либо решится на настойчивую бестактность, рискуя не узнать в результате ничего существенного. Он решил.

– Марат Султанович! – Допустим, что и этот саркофаг разрушится. И что тогда? Будут сооружать третий, а потом четвертый и так далее...?

Тимур не удивился бы, если бы профессор проигнорировал бы его вопросы. Однако, он этого не сделал. В этот день разговор получился довольно длинным. Странные все-таки бывают ситуации, – подумалось ему. – Казалось бы обычная беседа, но с таким собеседником, как Султанов, обязательно рано или поздно наткнешся на что-нибудь ни с чем не сообразное.... И во на этот раз что-то вроде оживления засветилось в профессорских очках.

– А как по-твоему? – спросил Султанов и сам же ответил: – Так оно и будет. Пойми, что надежное захоронение реакторов, по сути, является пока единственным способом как-то обуздать радиацию.

В кабинете ненадолго воцарилась тишина. Паузу прервал Султанов. – В «Комсомольской правде» вышла статья Соколовой. Так вот, серьезная радиационная ситуация возникла в Приморье на Дальнем востоке. Там, на полуострове Дунай, еще два десятка лет тому назад был создан крупнейший международный ядерный могильник. Как пишет журналистка, он начал постепенно сдавать, появились стоки, а в регионе повысилась радиационная активность.

– Получается, что теперь зашевелились и страны тихоокеанского региона?

– Получается так. Это мировое поветрие! Япония и Китай предложили свои проекты построения нового саркофага поверх старого. Кстати, ранее Соколова писала и о проблемах на Фокусимо. Что ни говори, а проблема аварий с радиоактивным выбросом становится сверх актуальной.

Султанов откинулся на спинку кресла, вытянув ноги. – Ты понимаешь, вот что меня раздражает. В Приморье существует большое количество вулканов и геологических разломов. Построить там могильник, был верхом безрассудства, – возмущался он.

Тимур хмыкнул. – Спрашивается, где же были эти эксперты, экологи, общественность, ученые, наконец, при планировке ядерного могильника?

– Наверняка, как всегда, пошли на поводу у военных, – усмехнулся профессор, – ведь у военных одно на уме – война, и чтобы все было под рукой, и ядерное оружие, и склад недалеко, и могильник рядом.

– Вы правы, Марат Султанович, эксперты как это часто случается, проморгают и начинают бить тревогу уже после пожара, как это было на Чернобыле, Фокусимо, Приморье, когда там в саркофагах появились трещины, стоки и дренажи, в результате чего начинается утечка радиации.

– То, что многократно повысился радиоактивный фон в Приморском крае – это уже явный признак радиационной катастрофы. А теперь вот местная власть захлеб уверяет население региона и центральную власть о том, что все силы края брошены на сооружение нового саркофага.

– Ждали, когда петух клюнет в одно место?! – усмехнулся теперь и Тимур.

В тот день они еще долго обсуждали проблему радиоактивных могильников. Проблема та была для них известной. Лаборатория биогеохимии, расположенная этажом ниже, занималась проблемами урановых хвостохранилищ. Почти четыре десятка лет Чернобыльская авария была на Земле притчей во языцах, да она и оставалась до сих пор притчей во языцах, как грозное предупреждение всем землянам и как свидетельство самой недавней по времени и самой масштабной техногенной катастрофой. А теперь вот появились другие очаги, много очагов нарушения экологического равновесия. То тут, то там наша цивилизация теряет контроль над опасными технологиями. Во что они вольются, никто не знает.

Рабочий день заканчивался, когда Султанов вдруг спросил у Тимура. – А ты слышал о проклятье Круга Зла?

Тимур удивленно заморгал глазами. – Нет. Интересно, а что за проклятье такое? Раньше я никогда об этом не слышал и не читал, – признался он.

– Скорее, это из области философии, – начал Султанов, укладывая свои бумаги в портфель. – Так вот, природа зла такова, что она бесконечна, а то, что неуправляемая радиация и есть на сегодня самым серьезным и большим Злом на нашей планете, не вызывает сомнений.

Султанов задумался о сути недавнего Указа президента страны. Новый глава страны с первых дней правления начал уповать на духовное оздоровление страны. По его логике, наше общество, а в целом человечество, переживающая атаки глобализма все больше погружается в хаос несознательности, бесчеловечности. На самом деле, в эпоху глобализма, глобальных катастроф цивилизации выплескивают на поверхность бытия всю мерзость, накопившиеся в генах общества – страх и ненависть, эгоизм и жестокость, которая кажется, оправданной, но не имеет на самом деле никаких оснований. В этом аспекте, наш президент наивен, полагая, что можно добиться равновесия в духовной сфере насильно на основе Указа. Разумеется, были недовольные и разочарованно восклицающий люд, однако их было совсем уж немного. Между тем, весь народ в единном порыве поднялся на борьбу за свое духовное оздоровление и возрождение.

– Знаете, Марат Султанович. Я не силен в философии, а потому если можно поясните, – попросил Тимур.

Внутренне Тимур уловил два смысловых слоя, но, там был еще третий, а возможно и четвертый-пятый, кто знает. Ему вспомнилась фраза: «Мы любознательны, но не любопытны». Слово «мы не любопытны» он всегда понимал, как «мы не любопытствуем попусту». Но, как довести это понимание профессору, чтобы он не пореял интерес к обсуждаемой теме.

– Хорошо. Существует, так называемая теория кругов, согласно которой цивилизация и различного рода явлений повторяются во времени, а в целом движение их напоминает движение по спирали, то есть по кругу.

– Итак, бесконечно, как белка в колесе?

Лингвистика. Жалкий маневр. Но, что оставалось Тимуру, чтобы как-то поддерживать профессорский интерес к теме.

– Можно сказать и так, – кивнул профессор и продолжил: – Громадный исторический опыт человечества свидетельствует о том, что все же существует порочный Круг Зла. Согласно такой концепции, Зло обуславливает зло. Посуди сам. Природа постепенно разрушается. Отходы промышленности и опасных технологий, отходы безумных ядерных экспериментов до предела загадили планету до такой степени, что человечество поразил целый комплекс генетических заболеваний. Генные структуры людей очень скоро взбесятся и тогда мало не покажется.

– То есть Зло есть всегда возвращающейся сакральное явление природы?

Опять лингвистика. Невинный вопрос Тимура заставил Султанова как бы спотыкнуться.

– По сути, да. Но важно другое. Предположим, что природа Зла все-таки отчасти известна. Однако, во все времена вопрос стоял в том, как разорвать тот самый замкнутый порочный Круг Зла. Не одно поколение мыслителей билось над этой загадкой, но все тщетно.

Тимур был в недоумении. – Зло вечно, Зло возвращается, глобальное Зло, Круг Зла.... Где-то в недрах своего сознания он искал факты и аргументы этим утверждениям. Его всегда отличала повышенное любопытство, что для ученого считается хорошей естественной предпосылкой для занятия исследовательской деятельностью. Когда его донимают неясности, то Тимур, как правило, не унимается и не отстанет, пока не услышит соответствующие пояснения. Так было и на этот раз. Он теперь уже как репейник привязался к профессору.

– Марат Султанович! Когда вы сказали о проклятье Круга Зла, почему-то в голову пришел лишь один аргумент «за». Это касается цикличности войн и глобальных природных катаклизмов на Земле, описанные историками. Где-то читал, что Природа, таким образом, избавляется от демографической нагрузки на нашу планету. Так ли это?

– Может быть, – уклончиво ответил Султанов, понимая, что ученый-биолог должен с такими мыслями примириться.

Тимуру стало не себе. Профессор уклонился. От чего? Неужели сейчас он скажет, что мы теряем время и, если хочешь, что-либо узнавать существенное, задавай серьезные вопросы. Но все обошлось.

– Природа умеет мстить и отстаивать свое, – сказал он. – А между тем, отсюда вытекают вопросы о смысле природы, жизни, человеческой цивилизации. Представь себе, что мы в мире разразится генетическое бешенство. Хотя, модель этого процесса до сих пор не удастся воспроизвести ни одному биологу. Но при таком темпе развития мировых катастроф – осталось ждать недолго. Тотальная генетическая трансформация, мутагенез, стремительное, нелинейное ускорение темпов развития живого организма. Одним словом, все это так радикально отразится на людях, что наша цивилизация потеряет всякую историческую перспективу. Разве этого хотели люди мира?

Тимур внешне выглядел спокойно, но в душе терзался вопросами именно такого характера: – В чем смысл человека? В чем смысл биологической жизни? Куда держит путь Природа? Эти вопросы проистекали не только из сегодняшнего диалога с профессором, но и из научных сообщений известного канадского ученого Меерсона. В своей книге о глобальной экологии этот автор излагает свою научную гипотезу о мировых катастрофах, произошедших на нашей планете в далеком прошлом.

– Марат Султанович! Вот вы опытный исследователь, вы умеете анализировать, систематизировать. Скажите, а вы верите в то, что на Земле существовали цивилизации, уничтоженные вследствие ядерных катастроф?

– Скорее верю, чем не верю. Находок и доказательств достаточно для того, чтобы утверждать о том, что катастрофы были не только природными, но и ядерными.

– Вот-вот. Согласно теории Меерсона именно об этом подсказывают следы радиации, обнаруженные во многих материках, – вновь оживился Тимур и вытаршился на профессора, – вы всерьез такое допускаете?

– Тимур. Вот мы с тобой знаем, что под влиянием радиации у животных и людей происходят мутации, ведущие к циклопизму, полиплоидии, мутагенезу. Наверняка сам не раз читал мифы и легенды о циклопах, человека-гигантах, вычурных уродствах. Между тем, это не что иное, как проявление радиационного мутагенеза.

Сделав небольшую паузу, профессор добавил. – Все эти факты доказывают, что ядерные войны на нашей планете уже когда-то были. – Так вот, предостережение ученого, который выдвинул такую гипотезу, не поняли, его оппоненты почти публично высмеяли высказанную им теорию. А между тем, поверь мне Тимур, гонка вооружений продолжается и, когда-то, кто-то, обязательно нажмет на спусковой крючок атомной войны на нашей планете.

Тимур вспомнил, как в прошлом году стажировался в Сибирском Институте биомедицины. Была возможность посмотреть и на работу тамошних ученых-ядерщиков в закрытой лаборатории. По сути, он не ошибся, когда представлял их этих стариков-божих одуванчиков, согнувшихся под невообразимым грузом специфического и, по сути, самого ценного и опасного в мире опыта. Большинство из них всю свою жизнь посвятили науке и технологиям, сосредоточенно из дня в день, годами, десятилетиями изобретали ядерную дубинку для политиков. Этой самой дубинкой последние размахивались, где надо и где не надо, угрожали, убеждали, склоняли в свою сторону, а если этого не удавалось могли без зазрения совести и нажать на ту самую ядерную кнопку. Ведь в их понимании это лишь методика давления на страны и народы, и ни что иное.

Тимур замер, весь превратившийся в слух и как бы спрашивая и в то же время высказывая вполне очевидную реальность. – Вы тоже считаете, что это лишь вопрос времени? Что человеческая цивилизация погибнет, а потом с нулевого уровня начнется новый виток жизни?!

– Да, так оно и есть. Вот тебе и доказательство существования проклятья Круга Зла! – усмехнулся Султанов и продолжил: – Осенью прошлого года, когда мы с нашим директором принимали участие в работе Международного симпозиума в Вене, прослушали доклад о радиоактивном загрязнении почвы. Так вот, оказывается, в будущей войне военные предлагают делать ставку на так называемые «грязные бомбы», способные сделать любую территорию непригодной для жизни на очень-очень долгое время, именно вследствие высокого радиоактивного заражения. Причем, радиологическому оружию вовсе не обязательно быть собственно бомбой. В закрытых лабораториях создается радиоактивная пыль, которых можно рассеивать над той или иной территорией.

– С эффектом Чернобыльской зоны отчуждения? – спросил Тимур.

– Ну, типа того. А мы с тобой знаем, что уже при относительно небольшой дозе радиоактивного облучения в 0,1 зиверта вероятность генных мутаций возрастает многократно.

Со стороны было видно, как Тимура передернуло. – Настоящее безумие! – промолвил он.

– В том то и дело. В мире уже есть кобальтовые бомбы. Ее называют «супергрязной» в виду того, что основным поражающим фактором является максимально возможное радиационное загрязнение местности. – Интересно то, что создатель этой бомбы – профессор Лео Сцилард сделал свое предложение не из милитаристских побуждений, как он, выразился, исключительно для того, чтобы продемонстрировать абсурдность, самоубийственную бессмысленность гонки за сверхоружием.

– Ну что за нелепость?! – негодовал Тимур.

– Но помилуй Тимур. Какая разница? В любом случае идея эффективно простерилизовать всю планету человеческому обществу уже давно подана, а военные, как правило, такой случай никогда не упустят. Так что наивность Сциларда недопустимая безответственность. Вот тебе очередной пример проклятья Круга Зла, – усмехнулся Султанов.

Султанову вспомнилось встреча с профессором Сцилардом на одном из международных форумов. Человек совершенно отрешенный. Замкнутость была первой его чертой, которая бросалась в глаза. Разумеется, замкнутость эта не была следствием ощущения какой-либо ущербности или неуверенности в себе. Нет. Это была замкнутость исключительно занятого ученого мирового уровня. У него был свой мир – глубокий, неведомый, интересный. Меня удивило в нем как раз другое. Он очень эмоционально и увлеченно выступил с трибуны конференции, с большим вдохновением объясняя свою концепцию ядерной безопасности. А вот сойдя с трибуны вновь стал самим собой – молчаливым и непреступным.

Сделав небольшую паузу, профессор продолжил. – Радиологическое оружие позволяет наносить максимальный урон мирному населению, а, следовательно, это идеальное средство устрашения. Причем, она очень доступная и правила ядерной восьмерки здесь просто не сыграв.

– То есть ядерные державы собираются, обсуждают, что-то предпринимают, чтобы ядерное оружие не распространялось, а между тем, настоящую угрозу может представлять совершенно новые технологии радиационного поражения? – негодовал Тимур.

– Так оно и есть! – воскликнул Султанов, захлопывая свой портфель и надевая пиджак.

Из головы не выходил образ академика Сциларда. Погруженность в собственный мир, возможно, является результатом сотни и тысяч событий. А возможно и то, что в его жизни был какой-то единичный случай, когда он впервые с ужасом и отвращением понял какое-то, лишь ему известное зло. Сейчас в Султанове говорил его любимый дедушка Фрейд. В свое время Фрейд, как сейчас Сцилард, а также его знаменитые коллеги по цеху ядерной науки, сплошь и рядом лауреаты Нобелевской премии, метаются по Земле. В чем то есть правда, что эти великие и настолько же загадочные люди с изуродованными судьбами, метаются, не находя себя место, метаются, как отравленные, но и сами они отравляли и отравляют народ своей ученностью и страстью к исследованиям неизвестного микромира. В чем то есть правда в том,

что они с отчаением и обидой предовали все человечество, но и сами становились жертвами человеческого сообщества.

– Марат Султанович. Вот вы заговорили о доступности радиационного оружия, – прервал молчание Тимур. – На мой взгляд, самым доступным вариантом является террористический акт с обыкновенным взрывом на атомных электростанциях, – не унимался он.

– Согласен с тобою. Не только АЭС, но и разрушения и пожары на химических предприятиях, взрывы и аварии на военных объектах, а также разгерметизация радиационных могильников сделают планету радиоактивной и изменят химический состав атмосферы настолько, что не только человек, но и многие виды животных и растений не смогут существовать.

– Ужас, ужас! – огорчился Тимур, качая головой. – Как такое возможно? Где наш разум?

– Вот только послушай, что пишет Соколова в своей статье. – Султанов взял газету и развернул третью страницу.

Тимур голову готов был дать на отсечение, что профессор уставился на какую-то строчку и смотрит на нее, не отрывая глаз. А на лице застыло непривычное и несвойственное ему выражение какой-то безнадежной усталости.

– Вот послушай. – Только в одной России захоронено сто двадцать тысяча тонн ядерных отходов. Ужас! Мы часто говорим, что в двадцатом веке наша цивилизация сделала Большой Культурный Скачок или Большую Культурную Революцию. Да, ничего подобного!

– Получается, что любое международное движение против ядерной безопасности, любое кажущейся культурное приращение человечества терпит крах перед напором такого мирового зла?

– Ну, что сделаешь? Это и есть так называемый очередной и ценный исторический опыт, имя которому «наступление на грабли». А еще это очень печально. Весь мир говорит и говорил о том, что нужно учиться на ошибках, что мир надо совершенствовать, иначе... В это время профессор глядел в какую-то вдаль, чтобы как-то отрешиться от чего-то неотвязного, неразрешимого.

– Очевидно, весь вопрос упирается в то, как научить людей избегать повторения глобальных ошибок? То есть речь идет о том, как разорвать Круг Зла?

– Да, мыслишь ты в правильном направлении. Однако, к сожалению, ответов на такие вопросы у людей до сих пор нет. Надеюсь, будущие поколения будут умнее нас и найдут решения. Здесь и человеческий каприз, воля, эгоизм, самоуверенность и поистинне идиотская и фантастическая убежденность в том, что именно им дано решать, чему быть и чему не быть. Ему бы немножко пошевелить мозгами. Его долг – сообразить, что живет он на пороховой бочке.

В это время Тимуру показалось, что лицо профессор стало богровым от прилива крови, он тяжело задышал, судорожно сжимая и разжимая кулаки. В это время Султанову думалось о том, что одно дело, когда человечество держит последствия опасных технологий под контролем. Другое дело, когда цивилизация просто не в состоянии держать под котролем даже самые очевидные последствия.

Тимур с упреком заметил: – Ну, вы скажете Марат Султанович. Весь исторический опыт свидетельствует о том, что отучить людей от ошибок – это невозможно. Пресловутый человеческий фактор обязательно проявит себя вновь и вновь. На то, что люди станут разумнее могут верить разве только оптимисты и несведущие люди. Я прав? Несведущим вас никак не назовешь, а вот то, что вы оказывается еще и оптимист – для меня новость, – пошутил он.

– О, нет, коллега! – возразил Султанов, остановившейся на пролете. – Оптимистом никогда не был, но хотелось бы поверить в то, что будущие люди будут умнее и рассудительнее, чем мы.

Профессор внутренне рассуждал о том, что ведь для того, чтобы сдержать опасные последствия современной ядерной технологии не потребуются невообразимые ресурсы и тех-

нологии. Даже имея эти ресурс и технологии наше общество упускает реализацию самых очевидных последствий – это же крайняя безответственность мирового уровня.

– Какая-то безысходность, – недоумевал Тимур. – Неужели человечество не найдет выхода?

Профессору подумалось о том, что морально-этические запреты в научной сфере страшнее любых потрясений морали и этики, которые возникали и будут возникать на крутых виражах научно-технического прогресса. Это надо понимать! Однако, чертовски опасная ситуация, когда такую морально-этическую концепцию проповедует крупный, всемирно известный ученый, сосердоточивший под своим влиянием огромную научную школу. На ум приходит Бор, Александров, Ландау, Келдыш, Сахаров, Опенгейм, Сцилард и многие другие.

– А знаешь? – профессор вопросительно посмотрел на Тимура, – появилось Движение «Новый Путь» со своей гипотезой, согласно которой частично можно попытаться решить проблему преодоления замкнутого Порочного Круга Зла.

– Интересно! Пожалуйста, отсюда по подробнее, – почти взмолился Тимур.

– Да-да! Не удивляйся, – заявил профессор. – Предлагают новую систему образования и воспитания, которая дает человечеству, так называемого «Нового Человека», которому выгодно быть «Добрым», «Справедливым», «Мирным».

– Ну, скажете. Таких теорий было тысячу и что? – Тимур в недоумении посмотрел на профессора. – Вот недавно появилась новая теория формирования и развития научно-мировоззренческой культуры индивида.

Султанов продолжил свою мысль: – Согласен, теорий много. Теория Каракулова одна из них. Разумеется, существенно повысить научно-мировоззренческую культуру человека, а в целом культурно-образовательный уровень человеческого сообщества – это суперзадача Человечества. Видя на лице Тимура недоумение, он поспешил пояснить. – Каракулов обнаружил новую закономерность в деле формирования и развития научно-мировоззренческой культуры людей. Автор связывает воедино три фазы: популяризация знаний; концептуализация знаний; философизация знаний. Именно на основе кумулятивного роста уровня знаний может состояться качественный культурно-образовательный скачок. Между тем это и есть универсальный и самый перспективный рецепт преодоления проклятья Круга Зла. Как видишь, просто и ясно.

– Что здесь простого и ясного? Совершенно неясно, – признался Тимур. – На чем такое учение основано?

– Скажу так. Способ основан на знании механизм Зла, каковым является не только природный низкий порог чувствительности к происходящему, невосприимчивость сознания людей к Добру, неразборчивость в разграничении Добра и Зла. Между тем, все это из-за низкого культурно-образовательного уровня самих людей. В совокупности они и представляют собой так называемую философами «онтологической недостаточностью человека». Этот феномен и представляет собой не что иное, как фабрику Зла.

– Фабрика Зла? – удивился Тимур.

– Да, есть такое понятие. Однако, об этом позже. По сути, путь, о котором я сказал, несколько абстрактный, но, на мой взгляд, самый радикальный из всех существующих путей.

Султанов вспомнил о том, что в мире возникло движение за отмену любых этических запретов в научной сфере, за уничтожение всяческих барьеров на пути распространения научной информации, за разоблачение случаев консервации научных идей, гипотез и открытий. Ясно одно, нужен строжайший контроль над ними, контроль за контролем. Иначе дьявольская группировка чертовски мозговитых сорви-голов, могут перевернуть мир с ног на голову. Между тем, именно новая, современная научно-мировоззренческая культура, основанная на новой, современной научно-образовательной стратегии обеспечит разумность человечества на его новом витке развития.

Беседующих на ступеньках Института ученых, то справа, то слева обходили спешащие домой сотрудники. А они вдвоем – Султанов и Тимур, не обращая внимание на них, продолжали горячо обсуждать проблему зла. У Тимура в голове начали проясняться тезисы Султанова. – Так, значит, существуют лишь два реальных пути: всеми средствами предотвратить надвигающуюся катастрофу, а если не удастся, то принять меры по уменьшению её разрушительной силы.

Султанов тем временем продолжал. – Мы же с тобой биологи. А биологии в человеке, как ни крути все же больше, чем социального. Через несколько поколений, скорее всего, жители планеты забудут о своем трагическом прошлом, сами начнут войну, и снова человеческая цивилизация окажется на грани самоуничтожения.

– И так бесконечно по кругу?

– Получается так. Так, что поистине зло вечно и возобновляемо. А там смотришь, и солнце догорит свое, а потом хаос, бесконечный холод и тьма, – с грустью вздохнул профессор.

Тимур также невольно грустно вздохнул. Значит, надо полагать, что в нашем мире рано или поздно кто-нибудь, обязательно пустит в ход ядерное ли, бактериологическое ли, геотектоническое ли оружие массового уничтожения. Вопрос лишь времени. А далее? Пройдут тысячелетия, а может миллионы лет, мир вновь вернется в то состояние, в котором пребываем мы сейчас и, тогда видимо люди также будут мечтать о глобальном и универсальном рецепте избавления от проклятья Круга Зла? Да! Действительно, это проклятье Круга Зла.

Султанов и Тимур, наконец, вышли на крыльцо Института. Оба, как по команде взглянули на небо, как будто желая удостовериться, что солнце никуда не исчезло и по-прежнему ласково греет, излучая тепло и свет. Ветер рассеял облака над городом, и на землю струится золотистые солнечные лучи.

– Жизнь – нескончаемый цикл, – произнес Тимур, сделав глубокий вдох и стараясь не дать выхода своему сомнению и тревоге, – как, впрочем, и смерть, – добавил он. Однако, взглянув на Султанова, который в недоумении посмотрел на него, он поспешил с разъяснением. – Марат Султанович! Недавно прочитал статью одного философа, который оспаривает конечность самой смерти. Если честно сказать, я так и не понял суть его учения. Итератизм или иначе цикличность жизни и смерти и есть, наверное, та самая благодать мира, описанная в Библии, Коране, Талмуде.

– Может быть, – задумчиво произнес Султанов. Ему понравились суждения молодого исследователя. Выйдет из него толковый исследователь, – подумалось ему. А что? Любопытен, начитан, тщеславен.

– Тимур. Но я уверен, что нужно создавать некую благородную цивилизацию, основанную на уверенности в том, что люди могут вечно по-доброму относиться друг к другу. Нужна уверенность в том, что люди сообща проживут даже тогда, когда потухнет Солнце, проживут, пока наша галактика не ухнет прямоком в черную дыру. Султанов понимал, что его мысли прозвучали пафосно, но не убедительно.

– Но согласитесь, Марат Султанович, что как раз в этом вы не уверены? – напрямую задал вопрос Тимур, как будто бы угадывая мысли профессора.

– Нисколько не удивляюсь твоему вопросу. Верится, конечно же, с трудом, что Человек все же одумается, осмыслит пределы своего существования, произойдет в нем такая эволюция сознания, которая перевернет в нем самом мир его существования. В противном случае он останется жертвой проклятья Круга Зла. Изобретут ли универсальный рецепт против Круга Зла? Уверенности, конечно, мало, – признался профессор.

Султанов понимал, что в чем-то лишь повторяет мысли своего давнего друга – Каракулова – универсального ученого, одновременно, клинициста-физиолога и философа, выдвинувшего собственную концепцию формирования и развития научно-мировоззренческой куль-

туры. Так вот, согласно автора, в этом мире по настоящему бессмертным является только знание, знал, что в результате качественного повышения культурно-образовательного уровня, человечество, в конце концов, изменится в лучшую сторону.

Однако... пока никто не знает, как можно превратить нашу планету в рай и населить его ангелами, и сделать это раньше, чем на Земле разразится очередная глобальная катастрофа, – размышлял профессор, прокручивая в голове мыслесхему: Круг Зла – механизм Зла – универсальный рецепт преодоления Зла – образование, воспитание, культура, интеллект....

Вот уже многие годы зрелости, разумеется, под влиянием своего друга и соратника, профессора Каракулова, эти мысли настойчиво возвращались, взяв власть и над ним. В чем он прав, а в чем нет? Концепт есть, а всеобъемлющей теории пока нет. Где-то в глубине сознания и у Султанова закрепились мысли о том, что, все-таки, человечество, разделяющие такие мысли – на правильном пути.

Разговор о природе Зла

Погода за день почти не поменялась, небо по-прежнему в тучах, налетает порывами влажный ветер, гонит по разбитой мостовой неопределенный мусор. Почти целый квартал Султанов и Тимур прошли молчком. Султанову подумалось о том, что Тимур уже сделал для себя кое-какие выводы и по поводу науки и, возможно, по поводу зла на планете. Люди и железо, огонь и невидимая радиация, развалины и страдания, всегда одно и то же... Видимо, он тоже ощущает такую атмосферу и, наверное, еще более ближе воспринимает это все, чем я. Действительно, какое это зло – начиненные смертоубийственной радиацией земли, выжженные до пепла пространства лесов и полей, где мертво торчат обугленные радиоактивные стволы деревьев, и сама земля, пропитанная страхом, бедствием и смертью.

Попрощавшись с Тимуром, Султанов решил пройтись по бульвару. Сегодняшний разговор-диспут с Тимуром всколыхнули в нем давнинее чувство. Он понимал, что вместе с тайной о Тегерек, о могилнике радиации в Чернобыле, как гражданин и ученый-биолог принял на себя еще одну ответственность – ответственность за будущего мира, судьбы земли и его людей. Он, прежде всего, как рациональный ученый, всегда шел от разума, и он никогда его не подводила. За ним стояла его интуиция, а он знал ей цену. Но бывают же в жизни и в науке жесткие тупики. Возможно, такие тупики лишь с нашей точки зрения. А если точек зрения множество? Тогда тупик разрешим? Ведь не бывает неразрешимых проблем. От этих мыслей профессору стало неуютно. События ускоряются, годы идут, мы уже в солидном возрасте, отныне времена пойдут вскачь, смотришь наступит час отставки. А вокруг столько нерешенных проблем. А мы уже перестаем верить своей башке.

Настроение переменялось. Дойдя до первого перекрестка, Султанов передумал, решив навестить своего друга Каракулова, который, как обычно допоздна работает в своей лаборатории нейропрограммирования, расположенной тут же неподалеку отсюда. Поднявшись на второй этаж и, пройдя узкий полутемный коридор, почти в полутьме нашел дверь его кабинета. Как и предполагал, Каракулов на месте, хотя рабочий день уже закончился.

– Можно?

– Заходи, заходи! Приветствую, Кубат Бакирович! – произнес Каракулов изумленно-растроганным возгласом. – О, Аллах! Неисповедимы твои желания!

Друзья тепло поздоровались и разместились на диване.

– Какими судьбами Марат Султанович?

– Да вот решил тебя навестить, – радушно заулыбался Султанов.

– Я польщен! – рассмеялся Каракулов.

– Что читаешь? – спросил Султанов, указывая на книгу, которую держал в руках Каракулов. – Разумеется, философская?

– Почти.

– Как это почти?

– Вот сам посмотри Марат Султанович. Научно-фантастический роман «Человек, который боялся жить». Фабула книги посвящена проблеме выживания человека, написана вполне профессионально со знанием дела. Советую взять на заметку, – посоветовал Каракулов, протягивая ему книгу.

Султанов, прочитав титульную страницу, вернул книгу. – Потом дашь почитать.

Каракулову было видно, что его друг явился к нему неспроста, его что-то гложет. Так оно и вышло. Попив чаю и поговорив о том, о сем Султанов начал разговор с далека: – Понимаешь ли, такое дело. Вот вы – философы, касаетесь всего того, чего называют абсолютным. Так? – устался он на Каракулова.

– Хм- м!.. Загадки загадываешь? Ну, допустим.

– Меня интересует проблема абсолютного зла. Ну, скажем, природа Зла, смысл Зла, механизм Зла. Хотя мы с тобой об этом как-то раз говорили, но вскользь. Видимо, тогда ни ты, ни я особо не хотели ввязываться в такой сложный и запутанный вопрос, как Зло или же, возможно, не были готовы к такому диалогу.

– А теперь мы созрели, хочешь сказать? – иронично спросил Каракулов, поудобнее рассяживаясь на своем кресле напротив дивана. Он чувствовал, что перед ним человек чем-то взволнованный и крайне заинтересованный.

– Да. Можно и так сказать. – Согласись, в этой проблеме слишком много спорного и загадочного. – Если признаться, в конечном итоге меня интересует такое, ну, скажем, над категорическое понятие, как проклятье Круга Зла. А это, между тем, понятие, подвластное лишь вашему брату – философам. – А если точнее, то, как осмысливают философы проблему преодоления замкнутого, порочного Круга Зла?

– Уу... ух!.... Куда замахнулся, – удивленно протянул Каракулов.

В этот момент лицо его стало напряженным, глаза – прищуренными, словно человек будто ненадолго задремал. Но, что касается мыслей, то они, безусловно, наоборот, заработали с бешеной скоростью. Несколько секунд Каракулов молчал, вцепившись руками в подлокотник кресла, и напряженно демал, а затем вполголос начал свое объяснение.

– Так-так. Понимаешь, зло, круг за – это величайшие проблемы всех времен, народов и поколений. Ну что я могу сказать по поводу Круга Зла? Буду кратким. Великие мыслители, философы и писатели всех времен и народов, так или иначе, задавались проблемой Добра и Зла. Написано множество трудов о причинах Зла, об его источниках, о природе и механизмах Зла. Но, самое главное, сверхактуальным во все времена, в особенности сейчас является вопрос разрешения Круга Зла.

– Вот отсюда по подробнее, – попросил Султанов.

– Хорошо. Лишь единицы мыслителей давали очень негативную оценку качеству и стилю жизни своих современников, как реального источника Зла, считая, что человечеству нужны гораздо более действенные и существенные Средства.

– И какие же? – нетерпеливо спросил Султанов.

– Пожалуй, нужны мощные, конструктивные, практические, убедительные идеи и методы. То есть решения и советы, которые существенно, то есть более конкретно и эффективно решать проблемы излечения этой мировой «болезни» под названием «Круг Зла». – Помнишь, мы говорили об универсальном рецепте разрыва Круга Зла?

– Помню. Буду откровенен с тобой в том, что лишь теперь понял твою идею о преодолении этого проклятия. А вот, насколько твоя идея выстояла? – спросил Султанов.

– Что, правда, то, правда. Образование человека – это высокоответственная информационная операция, которая может и должна дать человеку громадный объем важнейших и эффективнейших познаний, которые должны сделать его ценным продуктивным членом общества с очень высоким уровнем интуиции, сознания, культуры, интеллекта, прозорливости. Это то, тебя понятно? – спросил Каракулов.

– Ну-у....

В это время закипел чайник.

– Погоди Марат. Давай, я снова заварю чай, а потом продолжим наш разговор.

Султанов хорошо знал привычки своего друга. Неторопливый, обстоятельный, обязательно с кружкой в руке, мог часами рассуждать, вокруг какой-нибудь запутанной темы. Умом и интеллектом бог его не обидел, удивительно проницателен, вмиг мог уяснить суть вопросов и проблем, а потому слыл в своем кругу настоящим философом. Не всякому дан такой талант, как у него, признавались его коллеги. Вот и на этот раз он четко уяснил вопрос, в чем же заключается главный механизм Зла.

Пока Каракулов заваривал чай по особому своему рецепту, Султанов вслух размышлял: – Что касается главного механизма Зла. Знаешь Кубат Бакирович, наша система образования изжила себя. В школу, а затем в училище, техникумы, университеты приходят талантливые, а иногда и очень талантливые личности, но выходят из этой системы проблемные или даже очень проблемные люди с большим пакетом негативных проблем.

– Ты прав. Из-за малоэффективной подготовки рождаются в массовом порядке информационные инвалиды-маугли.

– В том то и дело.

Усевшись, друг против друга, Султанов и Каракулов продолжали обсуждать эту проблему. Именно информационные инвалиды-маугли становятся негативно-проблемным для себя, семьи, общества, государства, цивилизации. В этих условиях достойное образование и познание становятся сугубо личным делом каждого. Между тем, качество образования – это качество и количество получаемых общих и специальных теоретических знаний, умений, поведения, культуры, стиля мышления. Ошибки образования – ошибки информационных операций, поставленные на массовый поток, а это и есть не что иное, как фабрика Зла, – рассуждали два друга.

Заварив уже второй чайник, Каракулов продолжал свою мысль. – Нам ясно, что проклятье Круга Зла – это то, что зло по-прежнему живет в страданиях современного мира и, когда закончится это зло, будет совершаться уже новое зло.

– И потому каждое зло само по себе абсолют? – спросил Султанов.

– По сути, да. Зло, хаос правят в начале и в конце мира. Время творит все вещи, и оно же их поглощает, творит и поглощает, поглощает и творит и так бесконечно. Вот почему Зло, хаос часто представляют в виде змеи или дракона, преследующую самого себя в бесконечном круге, представляя собой совпадение противоположностей, как «инь» и «янь». Каракулов продолжал свои размышления. – Самое интересное то, что еще древние племена, как например даяки на Борнео, считают, что мир свернут в круг, образованный водяной змеей, кусающей свой хвост.

В очередной раз наливая чай, Каракулов обратился к Султанову.

– Марат Султанович! Прежде чем углубится в дискуссию, давай, вначале договоримся, чтобы мы друг друга понимали правильно. Ты меня знаешь, как убежденного материалиста и я знаю, что ты также являешься не менее убежденным материалистом. А потому, когда мы говорим о Боге, ангелах, сатане, дьяволах и прочих шайтанах, то чисто из логики обоснования того или иного нашего довода. Договорились?

– Договорились! – согласился Султанов.

Султанов вспомнил недавнюю беседу с Каракуловым. Тогда он увлеченно рассказывал суть своей теории кругов. Одним из резюме было то, что Зло бесконечно и возобновляемо. Помнится, он тогда говорил: – «В Тибете непостоянство времени представляется в виде черного чудовища, вцепившегося когтями и пожирающего колесо жизни». Оказывается, символика змеи сгруппированы вокруг одной и той же центральной идеи: змея бессмертна, поскольку она возрождается непрерывно.

Да, да. Вот о чем тогда они говорили: – Отождествляемый со змеем Зло также приобретает эти свойства и становится чудовищем в виде дракона, дьявола, сатаны, которое должно быть убито, чтобы порядок и жизнь освободились из его плена. Но затем все возвращается на круги своя, за порядком наступает хаос, а хаос сменяется порядком.

– Круг Зла, как считали раньше, заключен в двойственной природе Бога: добро и зло, помощь и вред, все исходит от единого божественного начала, – продолжал свое повествование Бакир. – А без Бога, та же смерть, болезнь, ложь, обман, все нарушения естественного порядка также являются злом. И все же, в более глубоком смысле, они оказываются элементом всеобщей гармонии, превосходящей и содержащий в себе порядок и хаос. Согласно древней религиозной мысли, как например, в Месопотамии, Космос всегда претерпевал неожиданные потрясения, в нем постоянно нужно было восстанавливать порядок из хаоса.

Султанову подумалось о том, что получается, люди считали, что природа зла коренится в самом Боге, вот почему считали, что оно неискоренимо. Действительно, круг Зла можно проследить во многих религиях мира. Каждые из них имеют свою версию борьбы между Добром и Злом, причем в ракурсе разных поколений, времен, народов. Мщение за причиненное зло сменяется прощением, прощение – надеждами. Надежда сменяется новым отмщением. Вот так, Зло остается вечным и возобновляемым.

– В отличие от монизма в дуализме более четко персонифицируется злое начало, – сказал Каракулов, – в частности, дуализм Заратуштры оказался революционным шагом в развитии концепции Дьявола, ибо в нем впервые предполагалось существование абсолютного начала зла, персонификация которого, Ангро-Майнью или Ахриман, являются первыми четкими определениями Дьявола.

– То есть, согласно концепции дуализма проследить проклятье Круга Зла становится более очевидным?

– Можно сказать и так, – уклончиво отозвался Каракулов и продолжил: – Относительно того, был ли дуализм более предпочтительным, чем монизм, возможны две точки зрения. С одной стороны, дуализм нарушает единство Бога, а значит, и целостность Космоса и души, и поэтому становится труднее найти согласие в природе или в человеческой психике. В рамках христианской традиции всегда было трудно примирить благодать Бога и его всемогущество. Считается, что, пожертвовав всемогуществом Бога, зороастризм сохраняет его абсолютную благодать.

Видя, как его друг начал сыпать философскими терминами Султанов замахал руками. – Постой, постой! Давай по медленнее. Перед тобой сидит простой ученый-естественник, а не философ. – Получается, что дуализм позволяет объяснить мир именно таким, каким мы на самом деле его воспринимаем, мир, в котором достаточно нелегко разобраться в смешении добрых и злых импульсов? – вопрошал он.

– Ну, извини друг. Тогда кратко не получится. Буду рассказывать и необходимые подробности. Согласен?

– Уж будь добр мой друг! – рассмеялся Султанов.

– Так вот. Как известно, противоречие между истиной и ложью было одним из основных источников дуализма Заратуштры. В частности, пророк воспринимал Ангро-Майнью – повелителя зла, как персонификацию лжи.

– То есть для зороастрийцев сущностью зла была ложь? – удивился Султанов

– Да. Они полагали, что ложь является худшим из грехов, ибо, вторгаясь в смысловую структуру Космоса, она лишает мир понимания и любви. Когда истина заменяется ложью, происходит торжество Зла, а по времени борьбы успех следует посменно за истиной и ложью. Это и есть Круг Зла, – заключил Каракулов. – Марат! Тебе это понятно?

– Вполне!

– Тогда слушай дальше. Думай, что я тебе рассказываю сказку, но будь, пожалуйста, повнимательней, – предупредил Каракулов. – Итак, дуализм Заратуштры был основан также на конфликте между ахурами и дэвами. В индийской мифологии старые боги, асуры, были побеждены и низвергнуты дэвами, которые сами стали «богами», а своих древних соперников низвели до уровня демонов.

– И что случилось потом? – нетерпеливо спросил Султанов.

– Видя, что дэвы стали злыми по своей собственной воле, становясь подвластными Боже-ству духами, Заратуштра возвысил одного из ахуров – Ахура-Мазду до положения единого Бога.

– И в чем логика?

– А логика такова: если по своей природе они изначально определились к добру, то они становятся ангелами, а если, наоборот, то демонами.

– Значит ли это, что человек от природы все-таки добр, а злым его делают обстоятель-ства?

– Можно и так. Но ты слушай и повнимательней, – вновь предупредил Каракулов, давая понять другу, что он не совсем улавливает логику его рассуждения. – Слушай дальше! Зара-туштра утверждал, что существует два духовных начала. Одно – Ахура-Мазда – Бог добра и света, а другое – Ангро-Майнью – Бог зла и тьмы.

– А в отличие от них Единый Бог содержит в себе добро и зло, мужское и женское, свет и тьму, блаженство и страдание, порядок и беспорядок?

– По сути, да. Жена Бога родила двух сыновей: Ормузд был следствием его любви и жела-ния, а Ахриман – результатом его сомнения. С тех пор вот, между ними идет нескончаемая война с периодическим победами того или другого.

Султанов попытался схематично представить всю логику рассказанного в ракурсе инте-ресующего его вопроса о проклятье Круга Зла. – Да, так оно и есть. Вечная борьба Добра и Зла с переменными успехами то для одного из них, то для другого. Красной линией через весь сюжет проходит процесс исключения зла, его отрицание.

Каракулов увлеченно продолжал свой рассказ, по ходу задавая сам себе вопрос: – Что заслуживает здесь внимание? А заслуживает внимание ортодоксальные представления о даль-нейшей судьбе Ахримана: либо Ормузд уничтожит его, или навечно заключит его в тюрьму, из которой нет выхода, либо Ахриман освободится из своего плена и окажет сопротивление Ормузду.

– Значит, добро во все времена был заинтересован в блокировании Зла? – спросил Сул-танов.

– Да! – Каракулов продолжал свои разъяснения: – Подобное представление об исходе борьбы двух начал очень близко к позиции позднего иудаизма, христианства и ислама.

– К какой именно?

– По отношению к Дьяволу. Дьявол, как воплощение зла становится совершенно чуждой силой, которая должна быть не ассимилирована, а уничтожена.

– Если проще?

– Ну, как сказать. Нам не следует признавать зло в самих себе и сознательно сдержи-вать его.

– То есть мы должны отрицать его в себе, настаивать на том, что оно находится вне нас?

– Да! Ибо, избавляясь от его влияния, мы приближаемся к совершенству. – Марат. Я тебя не утомил?

– Нет, нет! Очень интересно, – поспешил возразить Султанов.

– Марат. Ты, мифы древней Греции читал? – почему-то спросил Каракулов.

– Не так скрупулезно, но читал, – признался Султанов.

– Так вот слушай. Именно греки первыми сформулировали вопрос об источнике и природе зла в строго философских терминах. Так вот царь богов Зевс мог быть одновременно добрым и злым. Его сын, Гефест, был божеством вулканических извержений и общался с духами пещер и гор, а другой – безумный убийца Арес, считался богом бурь, жестокости и неистовых сражений.

– Везде проецируется борьба Добра и Зла.

– Ну, да. Причем, даже внутри одного и того же божества. Возьмем богиню Афину. Она властвовала над тихими небесами, искусством и мудростью. Но могла посылать бурю, молнии и войны.

Султанову на память пришли и другие мифы. Вот, например Аполлон. Он ассоциировался с солнцем и солнечным светом, с чистотой, разумом и искусством. Но он также мог посылать болезни, стихийные бедствия и внезапную смерть. Его всегда интересовала логика таких мифов, некоторые из них были так далеки от реальностей, что иногда казалось ему, что это хаотичные мысли шизофреника.

В тот вечер два друга еще долго обсуждали те или иные загадки мифов и легенд, связанных с проблемой проклятья Круга Зла. Идея о том, что прервать этот Круг можно лишь на основе революционного скачка образовательно-культурного уровня людей постепенно выстраивалась в соответствующую концепцию. Оказалось, что еще Гомер отметил закономерность: когда общество становится более обустроенным, добродетели и пороки становятся общими и принадлежат уже не одному сословию: они превращаются в общечеловеческие нормы добра и зла. Так возникает нравственное представление о добре и зле и общая концепция справедливости. Но если добро является человеческой добродетелью, то зло – это человеческий порок.

Султанов про себя отметил, что такая мысль проскальзывает и у Еврипида. Никакой злой дух не подталкивает людей к их гибели; люди сами виноваты в своих злодеяниях. Порядок всегда нарушается человеческой порочностью, проявляющейся обычно в надменной гордости, которая неизбежно приводит к краху.

Его размышления прервал Каракулов. – Марат Султанович. Слушай! Тема о проклятье Круга Зла хорошо раскрыта в предании о горе Тартаре. Если тебе интересно, то могу прокомментировать легенду.

– Буду только благодарным, – ответил Султанов.

– Зевс и единокровные с ним божества сражаются с титанами, олицетворявшие зло, побеждают их и заковывают их под землей, в Тартаре. Но и сам Зевс решает погубить род человеческий и создать новых людей из лучшей материи. Однако, в этом ему помешал Прометей, подаривший людям огонь. Между тем.... А благодетель ли человечеству Прометей?

– Разумеется! Ведь он спас человечества от уготованной гибели.

– Разве? Прометей одновременно сам является и источником зла, поскольку он поведал людям о разрушительном действии огня.

– Что, естественно, вызвало неприязнь богов и обрек людей на тяжелый труд?! Как все-таки все перемешано, где добро, а где зло, сам черт не разберет, – чертыхнулся Султанов.

– Марат Султанович. Общеизвестно, что человечество имеет двойную природу, духовную и материальную. – А знаешь? Во многих мифах и легендах считали, что душа бессмертна, а плоть смертна. Душа заключена в теле как узница и ее цель сбежать из телесной темницы.

– Как биологу мне близка такая трактовка взаимозависимости добра и зла, – отметил Султанов. – Добро и зло уживаются в одном человеке – это ближе к реальности. А что касается мифов и легенд, то они постепенно подводят человека к осознанию того, что Добро и Зло не могут существовать раздельно друг от друга, что полярность мира – это его способ существования.

– Вот так и не иначе, – заявил Каракулов.

Султанов тяжело вздохнул, чувствуя усталость и головную боль. Казалось бы, пришел, чтобы философ прояснил некоторые его догадки, а получилось совсем наоборот. Масса новой информации, новых мыслей и суждений. В голове сейчас такой хаос, пострашней хаоса подземного мира Аиды, – подумалось ему.

– Ну, дорогой мой друг! Пожалуй, на сегодня хватит, – сказал Султанов, решительно вставая с дивана. – Спасибо за разъяснения. Извини, что занял у тебя столько времени. Если ты не возражаешь, беседу обязательно продолжим в следующий раз.

Поблагодарив друга Султанов, пошел домой, а Каракулов еще долго копался в своих книгах в поиске сведений о проявлениях проклятья Круга Зла. И все недоумевал, зачем Султанову такая головная боль. Занимался бы своими делами, – недоумевал Каракулов, не отдавая самому себе, отчет в том, что эта тема серьезно задела и его самого. Ему вспомнились слова Жан де Лабрюйер: «Есть зло скрытое, словно нечистоты в клоаке, стыдливо погребенное под покровом тайны и мрака; стоит его коснуться, как оно начинает источать яд и зловоние; даже самые проницательные умы порою не могут решить, что лучше – понять его сущность или закрыть на него глаза».

Султанов, выйдя из здания неторопливо проследовал по улице, затем свернул в сквер и устроился там на скамейке, раскинув руки поверх спинку скамьи. Откинув голову и вытянув ноги, он минуты десять сидел неподвижно, прокручивая в голове услышанное от своего друга. Стояла тишина. Было что-то некомфортное в моей ситуации, обрекавшей меня, самостоятельного ученого и человека со свободой воли, на совершенно определенные дела и поступки. Знания будущего представилось мне совсем в ином виде. Оказывается, не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый поступок творит какое-либо из них – Добро и Зло. И если у вас есть много сторонников творить Добро, зло проиграет, а если, наоборот, Зло останется в выигрыше. Нейтралитета в этом деле нет и не должно быть.

Впечатления о поездке на малую родину

Ранним утром Расул и Дамир выехали на автомобиле в Ош, а оттуда им предстоял вылететь на рейсовом самолете в Бишкек. Прощаясь с родственниками у Расула, защемило сердце. Жаль было покидать родственников, таких простых, милых и добрых людей, жаль, что так быстро пролетело время, а сколько еще хотелось бы ему увидеть и услышать на исконной малой родине дедушки. Ровная, только что завершенная автотрасса Исфана-Баткен, располагала их на неторопливую беседу. И на этот раз, братья со схожими взглядами и родственными душами, вели неспешный диалог, иногда спорили, делились впечатлениями и думами.

Водитель среднего возраста, спокойный и неназойливый, не вмешивался в разговор. Машина плавно накручивала километры, вокруг проносились поля, пашни, небольшие пригорки и сопки. Почти прямая трасса постепенно перешла на серпантины, шоссейная дорога плавно углублялась в каменистые каньоны, где еще царили утренний полумрак и сырость. Вокруг дороги высокие, тысячелетиями обожженные солнцем скалы, верхушки которых золотом освещены лучами утреннего солнца. Как и в Чоюнчу этот пейзаж напоминал великие каньоны Техаса, известные всем по нашумевшему в свое время кинокартине «Золото Маккенны». Ах, какая красота! У Расула, вновь защемило сердце, вспомнив легенду о Тегерек, повествующая о вечной борьбе добра со злом. Из головы не выходила фраза, сказанная Суванкул-ава: – Зло в своей победе видит продолжение зла....

– Слушай, Дамир, – обратился он к другу. – По прилету в Бишкек обязательно займусь проблемой вечного круга зла. Признаться, я был удивлен тем, что даже в такой глуши, как Джар-кишлак, в народе есть понимания борьбы между Добром и Злом. Я имею в виду легенду о моих сородичах и о мифе Тегерек.

– Расул, надеюсь, понимаешь во что ввязываешься? – усмехнулся Дамир. – Добро и зло – это не только вечная, но и труднейшая проблема человечества.

Расул, ненадолго замолчал. Да! Дамир прав. Проблема Добра и Зла – это сложнейшая проблема, по-настоящему вносящая сумятицу в мозги и мысли любого человека. Речь то идет о таких вопросах бытия, как, в чем предназначение человека? В чем смысл его существования? Но Расул был тверд в своем желании. Отныне впереди годы познания, но я попробую понять и осмыслить, – при себе твердил он, чувствуя, как мысли о Добре и Зле, теснятся в тайниках его собственного мозга, чувствуя, что догадки цепляются одна за другую, ибо все они взаимосвязаны.

– Дамир. А как по-твоему, что значить Добро и Зло? – спросил Расул, будучи в состоянии внутреннего возбуждения.

– Все зависит от точки зрения человека, – начал Дамир. – К примеру, согласно религии Добро есть Бог, а Зло – дьявол. Еще что? Добро есть свобода, а Зло, наоборот, порабощение. Но, а в целом, Добро – это созидание, совершенствование, прогресс, а зло – наоборот, это уничтожение, деградация, регресс.

Дамир хорошо знал своего брата. – Этот не отстанет, будет и вскапывать, и вгрызаться в проблему, – подумал он, удивляясь настырности своего друга. – У него сейчас такое ощущение, как будто весь мир внезапно сузился до этих феноменов.

Некоторое время друзья ехали молча. Автомашина выехала на широкую трассу, а по обе стороны от нее потянулся унылый пейзаж безводной каменистой степи и небольших каменистых адыров с редкими пучками пожухлой травы. Вдали, как справа, так и слева тянулись голые скальные горы.

– В мире, так или иначе, выделяют два контраста – белый и черный, – начал разговор Расул. – Следуя такому пониманию, Зло – это пустота, поглощение, тьма, а добро, наоборот, – излучение, созидание, свет. Одним словом, логика такова, что все что неправильное – это черное, а все правильное – белое. А вообще насколько это правильная такая концепция?

– Понимаю куда ты клонишь, – отозвался Дамир. – В ведь есть еще серая зона, или иначе переходная, где границы размыты. В этом аспекте, одно и то же действие может одними считаться злом, а другими – нет.

– То есть однозначность отменяется?

– Пожалуй....

– Действительно, грань между злом и не злом очень тонкая и неоднозначная. Многие придерживаются мнения о том, что добро и зло есть одно и то же в разных условиях.

Мурат кивнул головой в знак согласия и добавил: – Действительно, в мире нет ничего однозначного. Если бы зло было бы однозначным, то был бы смысл задаться вопросом: почему Бог допускает зло? При другом раскладе, как ты говоришь о серой зоне, правы те, кто утверждает о том, что Бог есть, и Добро, и Зло, одновременно.

Расул оживился. – Ты прав. Люди извечно задаются вопросом: если Бог добр, всесилен, всезнающий, то почему существует абсолютное зло, не зависящее от воли людей? А между тем, некоторые ведь пошли еще дальше в своих сомнениях: Если Бог создал зло, то он и есть зло?

Почему-то ему вспомнилась притча об отсутствии темноты вообще. Некий мудрец испытал мыслительную способность своего ученика, задав ему вопрос: – Существует ли темнота?

– Разумеется! – ответил ученик.

Мудрец же невозмутимо сказал: – На самом деле, темноты не существует.

– Как это? – удивился ученик.

Мудрец пояснил так: – Темнота – это отсутствие света. Темнота – это лишь понятие, которое человек использует, чтобы описать то, что происходит при отсутствии света.

Интересно, – подумал Расул, – именно такой логике следовала группа философов, которые считали, что Зла не существует, что Зло – это просто отсутствие добра, как вроде темноты, которая наступает, когда нет света. Их оппоненты приводили свои доводы о том, что есть еще сумерки, когда нет еще ночи, но уже нет света...

– Знаешь Мурат. Между понятиями Добро и Зло есть еще «что-то». Ты прав, когда говоришь о том, что в жизни нет абсолютного добра и абсолютного зла, и то, что для одного человека – добро, для другого – наоборот, зло.

– То есть просто между ними существует реальное жизненное понимание добра и зла каждым человеком, привязанное к конкретным жизненным ситуациям? А между тем, это только следствие. А ты знаешь, в чем причина такого подхода? – спросил Расул и сам же на вопрос ответил: – Наверное, для того, чтобы мы, могли взвешивать, понимать, оценивать ситуации.

Что ни говори большая загадка, почему люди выбирают зло, – размышлял при себе Расул. – Ну, почему человек делает зло? Сейчас, в силу развития науки и техники, количество верующих уменьшается и растет число так называемых агностиков. Разумеется, это ведет к тому, что мир постепенно становится лучшим – тьма отступает, в мире становится светлее. Если следовать такой логике Зло, как следствие неполноты знаний об окружающем мире, должна становиться все меньше и меньше. Отнюдь.... Ему вспомнилась фраза Самат-ава: «Если зло проиграет, оно лишится возможности злодействовать».

Размышления Расула прервал водитель автомашины. – Джигиты! Как вы смотрите на то, чтобы перекусить? Тут недалеко есть чайхана.

Остановились у придорожной чайханы, выйдя из машины, немного походили взад-вперед, разминая ноги. Пообедав, вновь загрузились в машину и продолжили путь. Полпути позади, а впереди широкая международная автомагистраль, которая пролегла параллельно госграницы между Кыргызстаном и Узбекистаном. Слева от трассы, насколько хватит глаз тянулось ограждение из колючей проволоки, за которым виднелись узбекские поселения с аккуратными домами, утопающими в зелени садов и виноградников. Справа от магистрали простиралась безводная каменистая степь с редкими застройками.

– Эти кыргызские земли лишь с недавней поры начали осваиваться и застраиваться, – пояснил водитель авто. – Раньше линия границы проходила по вон той реке. Узбеки, народ предприимчивый и уже давно начали застраивать и кыргызское побережье. Вот таким макаром Узбекистан передвинул госграницу.

– А что же кыргызское правительство? – удивленно спросил Расул.

– У правительства голова не болит. Оно оставалось абсолютно равнодушной к этим процессам. Куда только не обращался местный люд, – удручался аксакал. – Наконец, лет пять тому назад опомнились, вначале поставили кордон из колючей проволоки, затем проложили автомагистраль и начали заселять земли. Но вот вы видите, в каких условиях простой народ выживает. Нет воды, дорог, света, нет школ, больниц, – возмущался он. – А посмотрите на узбекскую сторону. Там, как положено – и вода, и свет, и школы, и больницы.

Такой вот контраст вновь погрузил Расула и Мурата в размышления. Вот тебе светлое, то есть созидание, прогресс, и темное – деградация, регресс. Между тем и Мурат размышлял так: – Белое лучше проявляется через черное, значит ли это, что белое – истинное, а черная иллюзия, необходимая лишь для того, чтобы увидеть белое.

Два подхода, две отношений, а результаты разные – благо в одной стороне, невзгоды – на другой. Бог – это добро, следовательно, то, что его проявляет – это зло. Что тогда? Тайна зла равна тайне творения мира? А избегать зла – значит, избегать познание истины? Вот он извечный вопрос, за кем будет победа, за Добром или Злом?

– Слушай Мурат. Вечным для человечества является вопрос о выживании, что возьмёт победу, Добро или Зло? А ты как думаешь?

– На твой вопрос уже давно найден ответ.

– И какой?

– Назовём Добро – светлыми силами, а Зло – тёмными силами. Обе они нуждаются в силах и ресурсах. Так вот, как правило, побеждает тот, что превосходит в силах и ресурсах. Ты спросишь, а кто же поставляет ресурсы и силы?

– И кто же?

– Разумеется, люди, каждый человек, – парировал Мурат. – Все зависит от его выбора, принятия решений, самосознания, свободы в самовыражении, в познании, в вере.

Оба надолго замолчали, каждый погрузившись в свои думы. Расул думал о том, что еще Аврелий Августин утверждал, что Зло не существует само по себе, не является самостоятельной сущностью. Зло – это искаженное Добро, – считал он. – Добро победит зло в тот момент, когда человек станет бессмертным и независимым от природы. Так вот, может быть, в далёком будущем, когда люди, вооружившись наукой и знаниями не оставит причин появления зла, зло исчезнет? Ну, а пока, когда люди все чаще отпадают от знаний и науки....

Мурат размышлял о том, что зло – это прямой результат отсутствия в людях жалости и сострадания, что Зло – это ограниченность и неведение, что Зло – это хаос в головах и мыслях, проистекающих от неполноты знаний.... Для него было ясно одно, зло всегда порождает только зло. Он все больше убеждался в том, что милосердие и сострадание побеждает зло добром именно потому, что оно прерывает эту самую цепочку творимого людьми зла. Эту мысль он высказал Расулу.

– Согласен с тобой. Однако, это не всегда очевидно в каждом конкретном случае.

– Ну, тогда, как, по-твоему, что все же является универсальным способом прерывания этой злополучной цепочки?

Расулу вспомнилось умозаключение одного из известных философов мирового уровня, который считал, что Зло – это ошибка поведения или мышления по причине, или Незнания, или Непонимания, или Неумения. Все проблемы человека связаны с незнанием человека, прежде всего, самого себя. Жизнь – это вечная игра в развитие... и конец игры каждый определяет сам. Душа из жизни в жизнь, накапливает опыт, отражаясь в лучшей интуиции, в мудрости разума и сердца.

После некоторой паузы Расул ответил: – Универсальным, является все же знание. Каждый из нас должен понять одну истину – если мы хотим прервать зло нужно понимание того, как вообще устроен этот мир. А ведь есть и такое выражение: «Зло, сделанное другому человеку, навсегда остается в душе автора зла..., и как оно может вернуться, если никуда не уходило?».

– Ты прав. Такое понимание рождается изначально у рефлексирующих людей, то есть у таких, кто задается вопросами смысла жизни, будущего человечества, поиска истины, познания собственного «Я».

– Либо такой человек философ, поэт, писатель, одним словом, духовник, – иронично заметил Мурат. – Ведь простой люд такими вопросами не задаются, не забавляется.

Расул задумался. Действительно, у простого человека, скажем мусульманина, обычно недостаточно информации, чтобы оценивать злом или добром является то свершение, чего допускает Аллах. Ну, а дальше? Если не обеспечить людей знаниями, то природа будет занят вопросом перевода зла из одной формы в другую. Он понимал, что знания и науки предлагают модель зла, как водораздел истины и лжи, знания и незнания, опыта и отсутствие опыта.

Мурат также задавался вопросами: – Ну, а как и каким образом, выстроить борьбу со злом? Очевидно, нельзя уничтожать зло механически, то есть простым умолчанием о нем, так как никто не может сразу разобраться в оборотной стороне действия, – размышлял он. – Надо балансировать борьбу так, чтобы от столкновения противоположностей возникало движение и восхождение к добру. Иначе, наверняка, человечество потеряет путеводную нить....

– Мурат, ты прав. Для того чтобы высшие силы человека ввести в действие, нужно повышать его познавательный уровень, – сказал Расул, прерывая молчание.

– И тогда придет то самое интуитивное понимание зла?

– Пожалуй. Мудрецы указывают на три шага: отрешение, сосредоточение и явление познания.

– Да, есть над чем задуматься. Есть мудрецы, считающие, что в борьбе со злом есть три момента – соблюдать законы, учесть общественное мнение, верить в себя.

– Согласен. Здесь надо еще много думать, но я вижу проблески света в борьбе со злом, – продолжил Расул. – Вот, скажем, Чернобыльская авария. Сотни и тысяча ликвидаторов шли «тушить» аварийный реактор, создавая бетонный саркофаг над ним. Разумеется, сильно облучались, заболели, гибли, становились инвалидами на всю жизнь. Если так они не поступали бы человеческих жертв во много крат было бы больше. Вот, так вот ценой своей жизни они смогли сохранить множество жизней людей, причем, не только в тот момент, но и в будущем. А знаешь, в чём заключается ценность этого «похода в реактор»?

Мурат задумался, – Наверное, ценность этого человеческого действия в том, чтобы сохранить человечность. Ведь человек является её носителем. Вся история человечества утверждает простую логику людей в такой ситуации.

– Какую?

– Как можно дольше пытаться не допустить расчеловечивания людей, – ответил Расул. – Безусловно, важно понимание людей именно ценности своего «пути в реактор». Чревато именно «расчеловечивание» людей, так как это ведет к торжеству зла и, в конце концов, ведет к полному самоуничтожению.

– Итак, если каждый человек, скажем так, расчеловечится, когда каждый человек теряет ментальную связь со всеми окружающими и тогда...?

– Зло восторжествует! – опередил его Расул.

Вот так два закадычных друга рассуждали и спорили между собой о проблемах, связанных с феноменом Добра и Зла. Чувствовалось, что обоих задело за живое интерес к проблеме Вечного круга зла и способы его разрыва. Им еще предстоял долгий и тернистый путь осмысления вопросов борьбы Добра и Зла. Возможно, их готовность осмыслить саму проблему, вгрызаться в процесс выработки каких-либо путей разрешения конфликтов Добра и Зла и является их «путем в реактор». Кто знает?

ГЛАВА 2

БЕСЕДЫ О ФИЛОСОФИИ ЗЛА

По приезду в Бишкек Расул и Мурат напросились на встречу со своим земляком, небезызвестным ученым-биологом Султановым. Он был для них – студентов-биологов не только научным патроном, но и неким учителем жизни. Человек с самобытным характером, отличающейся своей категоричной прямоотой в суждениях и оценках, как никогда подходил им в качестве некоего кумира для подражания. Ему уже было за шестьдесят, однако, для видного ученого реальный возраст узнается не по паспорту, а по активности работы, по душевному подъему, творческому энтузиазму. При общении с ним, Расул и Мурат всегда получали от него новый запас сил и новую уверенность. Молодые, бодрые и энергичные, готовые служить вечному познанию они в свою очередь способствовали и самому Султанову переживать и собственную молодость, готовый поделиться с ними своим долгим опытом, как человека и ученого...

Султанов, оторвавшись от чтения, подошел к окну, откуда виднелся кусок парковой аллеи Академии наук. На дворе осень, над городом повис смог. Странно, – подумал он, – вот уже второй год к осени и зиме город окутывает дымка, чего не бывало ранее. Одни считали, что это из-за выхлопных газов городских автомашин, число которых с каждым годом увеличивается, другие – из-за печного отопления в домах, расположенных в жилмассивах, которые плотно окольцевали столицу. Кто знает, это, возможно, и из-за дыма столичной ТЭЦ или городского мусорного полигона. Мысли прервал стук в дверь.

– Пожалуйста, заходите! – не оборачиваясь громко сказал профессор.

– Можно? Здравствуйте Марат Султанович!

На пороге стояли Расул и Мурат.

– О молодые люди! Заходите! – обрадовался Султанов.

Обменявшись рукопожатием, расселись. Профессор за рабочим столом, а Расул и Мурат тут же рядом на стульях, расставленных вдоль стены.

– Так, так. И что же привело вас ко мне?

– Марат Султанович! Побывали мы на нашей малой родине – в Ляйляке, – начал Расул. – Будучи там, мы услышали интересную легенду о Тегерек – горе-саркофаге. Вы, как-то в разговоре упомянули о существовании Вечного круга зла. Так вот, я был удивлен тем, что даже в такой глуши, как в нашем родовом кишлаке, в народе есть понимания борьбы между Добром и Злом. «Зло в своей победе видит продолжение зла...», – сказал один наш старец...

В это время в дверь постучались.

– Можно? Здравствуйте Марат Султанович!

Это был Алимов – научный сотрудник соседней лаборатории, расположенной этажом ниже. Среднего возраста, худощавый, суетливый и резковатый в движениях, он стоял на пороге, не решаясь войти и вопрошая к Султанову, можно ли войти или же подождать за дверью.

– Добро пожаловать, Ринат Каримович! – поприветствовал Султанов, идя ему навстречу и протягивая руку для рукопожатия.

– Эти молодые люди – Расул и Мурат – студенты биофака, – познакомил профессор, указывая на них.

– А-аа... То бишь наши будущие коллеги? Приятно познакомиться, – протянул Алимов.

– А вот Ринат Каримович наш чон баш, – заулыбался Султанов, обращая внимание Султана и Мурата на него. – То есть большая или иначе светлая голова, биолог, ведущий научный сотрудник.

– Ренат Каримович. Эти молодые люди пришли ко мне посоветоваться по одной очень важной тематике, которым, как мне показалось, они серьезно заразились.

– Ну, это здорово! – воскликнул Алимов. – Молодые люди! Знайте, Марат Султанович, именно тот человек и специалист своего дела, который даст вам советы, применительно к любым вашим запросам жизни и труда. Помните, что надо «гореть» своим призванием, своей работой. Поймите, не захваченное сердцем не постигается и разумом! – пафосно заключил он.

– Ринат Каримович, безусловно, прав в том, что успех к вам придет лишь тогда, когда вы вложите в свое дело любовь, энтузиазм, страсть, пылкость и настойчивость, – сказал Султанов и, обратившись к Алимову спросил:

– Ринат Каримович! Присаживайтесь. Как жизнь то коллега?

– Какая жизнь? Разве это жизнь? – усмехнулся он, присаживаясь на диван.

Султанов хорошо и давно знал этого человека. На редкость талантливый исследователь, однако, выпивающий. Обычно под градусом Алимов бывал словоохотливым и дерзким спорщиком, за что народ повесил ему ярлык правдоруба, неисправимого скептика и циника. Вот и сейчас он немного был под этим, – про себя отметил профессор. Помнится, в молодые годы перспективный ученый, но в зрелые годы – угасающая личность. Худой, небритый, глаза воспаленные и подернутые какой-то нездоровой пленкой.

– Так и плоха жизнь? – с иронией спросил Султанов, присаживаясь на диван рядом.

– Ну, как сказать, – замялся Алимов. – Жизнь не ахти, в серости и тоске ей не занимать....

– Ринат Каримович! Вы неисправимый пессимист, – рассмеялся Султанов, похлопывая его по спине.

– Марат Султанович! Ну, нет в наше время никакого повода быть оптимистом.

В свое время эта личность был ярким примером сочетания исследовательского таланта и человеческого конформизма, смелый в дерзании ученый, но вспыльчивый и неуживчивый, как человек, – подумал Султанов, невольно вздыхая.

Расул и Мурат сидели молча, слушая споры и рассуждения двух ученых-биологов. Уже потом они поразились насколько был полезным и поучительным тот самый их диалог, касающийся именно той тематики, которая интересовала обеих студентов. То было, несомненно, большой их удачей.

– Вот, я старший научный сотрудник, с месячной зарплатой в шесть тысяч сомов, – вдруг ни с того, ни с чего начал рассуждать Алимов. – Как прожить на эту сумму? И о какой жизни можно говорить? – возмущался он, выдавая тираду ругательств в адрес властей, общества, да и жизни в целом.

Султанову ничего не оставалось, как молча выслушать его стенания на жизнь, работу. – Ну, понесло коллегу, – подумал он. – Вот, передо мной человек, который всю жизнь горбатится в сфере науки. Раньше у него, вероятно, была и цель, и мечта. А сейчас? Весь какой-то помятый, неухоженный. Действительно, угасающая личность. Жалуется на вечную нехватку денег на жизнь, а сам, получив зарплату, тут же пускается по кабакам. Интересно, о чем подумали Расул и Мурат? Нужно было бы повернуть разговор на тематику Добра и Зла, – подумал профессор, имея в виду интересы вот этих студентов-исследователей.

– В жизни все осточертело! С одной стороны, заел быт, вечная нужда, упреки жены, а другой – серость и никчемность своей жизни, – удручался Алимов.

По нему было видно и чувствовалось, что он явно устал, просто устал от всего, но не может выбраться из своей социально-бытовой ловушки, – с жалостью подумал профессор. – Однако, он умен и достаточно проницателен, чтобы воспринимать вещи такими, какими они есть. Султанов то знал, что не отнять у Алимова исследовательского призвания, того, что он всю жизнь, как страстный исследователь жаждал глотка чего-то нового, непознанного и захватывающего. Интересно, а было ли у него желание заработать больше? Именно этот вопрос почти невольно вырвалось у Султанова.

– Еще как! – воскликнул Алимов, признаваясь в том, что даже в его науке возможно было прилично зарабатывать. – Однако..., с грустью в голосе сказал: – Правда такова, если хочешь

зарабатывать больше, то и мыслить и делать дела надо иначе. Загибая пальцы на руках, он начал перечислять. – Первое. Надо к черту забыть о честности и порядочности, о морали и этике. Второе. Надо приспособливаться, юлить, забыть к черту принципиальность, объективность, обзавестись дружбой с «нужными людьми». Вот тогда-то человек становится «заточенным» на получение благ, а также денег нечестным путем. А это не что иное, как зло в чистом виде. Хотя, человек, сам по себе является злом....

– Как это? – удивился профессор такому пассажи. – Что значить «человек-зло»? Обще-понятно, что человек, по сути, не добр и не зол, однако, у него всегда есть выбор между добром и злом, на то он и человек.

– Марат Султанович! Поверьте, человек не только источник зла, но и сам по себе зло. Я не первый и не последний, который утверждает о том, что «человек – это зло». Один китайский мудрец сказал: – «Все зло коренится в человеке». Скажу так, человек эгоист и глуп, но хуже всего то, что он при этом еще и упрям, как осел, – почти выругался Алимов. – Все зло заключается в человеке. В конце концов, именно эгоизм, алчность и равнодушие человека погубит цивилизацию.

– Так ли уж? – отозвался Султанов. – Согласен с тобой, что вокруг борьба, грызня, конкуренция, несправедливость, насилие, но чтобы сказать, что во всем виновата сущность человека...?!

Алимов не унимался и продолжал разглагольствовать. – Человек – это все же зло, а человеческое общество построено на лжи, лицемерии, черствости, жадности, алчности, глупости.

Чувствовалось, что коллеге, обозленного на весь белый свет, нужно было выговориться. Султанов не стал прерывать его, но углубился в свои воспоминания о своем собеседнике. Время шло. К сожалению, коллега все чаще и молча подчинялся жизненным обстоятельствам, начал злоупотреблять алкоголем и в конце концов, так сказать, потерял свой «жизненный билет». Эх, если бы он не оказался в положении потерянного исследователя, воина обид и горечей! – сокрушался внутри профессор, глядя на своего коллегу.

Алимов продолжал философствовать о том, что мир не совершенен, что в мире много зла и нету справедливости, что все утопает во лжи и неверии.... Квинтэссенцией его откровений было утверждение о том, что Человек – зло....

Султанов попытался вставить свое слов. – Да. Мир, в котором мы живём, представляется несовершенным. Но... только с нашей точки зрения – с позиции несовершенных самих по себе существ.

– Правильно. Мы конечны и ограничены, и когда наш ум заперт в субъективности, мы можем только страдать от этого. Именно в этом аспекте, человек – это зло....

– То есть зло заключается в нашем недостаточном уровне познания? – спросил Султанов, – или как тебя понять, что мир несовершенен, так как мы еще не доросли до понимания добра и зла, или Бога, наконец?

– Ну, как сказать... – замялся Алимов, а потом категорично заявил: – Да, нет ни Бога, ни черта. Надо же придумать Бога – этакое свойского, бесконечного доброго парня. Мало кто додумывает вопрос: откуда зло? Не умысел ли Бога? – все больше заводился он. – По мне Бога вообще нету и никогда и не было, а если он и ест, то совсем уж и недобрый. Сидит на верху, создав замкнутую экосистему и просто время от времени кидает кости и, в зависимости от этого то делает что-то доброе и полезное, то, наоборот, устраивает беды и неприятности.

– Ну, не кипятись Ринат Каримович. Пожалуйста, не упрощай! Что подумают наши студенты? – примирительно сказал Султанов, указывая на Расула и Мурата.

– Марат Султанович! Расул, Мурат. Вот мы биологи и предмет наших исследований – жизнь. В чем заключается глобальный смысл человека и человеческой жизни? – вдруг спросил Алимов и сам же на него ответил: – Если сказать начистоту, то глобальный смысл человека – это разрушение. Ну, почему мы не признаемся хотя бы сами себе. Мы же ученые-биологи.

– Да, мы ученые-биологи. Ну, а почему мы должны допускать, что человек – это разрушитель? Ты, я, все мы из того времени, – сказал Султанов, давая понять, что жили и работали еще в советские годы, – когда научный коммунизм нас учил о том, что человек – это созидатель.

Султанов расстроился. Их диалог скатывался в «философию в коротких штанишках», без четкого понимания предмета утверждения, а это уже демагогия. Совершенно неудобно, когда при таких резких суждениях присутствуют студенты. Они могут разочароваться в науке, – мысленно опасался профессор. Ему вспомнилось, что некогда, десяток лет тому назад, охватывая общим взглядом жизнь и работу Алимова, полную труда и горечи, обиды и мятущегося дарования, сделал он для себя три вывода. Во-первых, стараться не рассеивать, не распылять свой творческий запал. Во-вторых, проявить жизненную твердость и терпимость, не бояться промахов и неудач. В-третьих, оставаться ученым, не ударяясь в демагогию. А тут? Демагогия чистейшей воды.

– Ринат Каримович! Позвольте мне все же оспорить ваше утверждение о том, что человек – есть разрушитель, что вокруг нас только зло. Султанов, сделав паузу, сказал: – То, что мы называем злом – это, нечто, «взятое в отдельности, которое с чем-то не согласуется». Но это же самое «согласуется с другим, который оказывается хорошим сам по себе».

– Уважаемый Марат Султанович! Вы только что признались в существовании некоего добра. Такое не бывает, – категорично возразил Алимов. – Основной конфликт человека – это конфликт с самим собой. Именно он движет человеком, именно недовольство собой заставляет нас развиваться, прогрессировать, уметь. Все остальные конфликты от лукавого – они только отвлекают от главного конфликта – конфликта в нем добра и зла.

Расул и Мурат понимали суть спора между Султановым и Алимовым, они понимали и то, что этот спор затеян и с целью вовлечения их – студентов в процесс осмысления сложных понятий. Расулу вспомнилось выражение Ибн Сина «Человек не может сразу выйти из тьмы на ослепительный свет. Он должен постепенно привыкнуть к нему». Студенты были благодарны педагогическому стилю этих двух ученых.

На несколько минут в кабинете восцарилось молчание. Возможно, каждый из них думал о том, что подавляющее большинство людей на земле все-таки органически не способны понять, что бывают ситуации, когда компромисс исключается. Ну, скажем либо есть Добро, либо его нет. Наша жизнь – это постоянное проигрывание одних и тех же сценариев. Добро и зло. В каком-то смысле это результат игры ума, а точнее говоря – субъективная оценка соответствия событий интересам конкретного индивида с его точки зрения.

– Существования или несуществования добра и зла – это сугубо человеческая привычка мыслить черно-белыми категориями, – не сдавался профессор. – И тут мало теоретической перезагрузки – каждому нужно самому пройти через сумерки морали, увидеть кое-что собственными глазами, как следует опалить собственную шкуру и душу, накопить в мозгу уйму знаний, вплавить их в мировоззрение.

– Марат Султанович! Можно стать носителем высокого разума, но если человек бездействен, не умеет принимать мгновенные решения в критических ситуациях, трус и нерешителен, то грош ему цена. В чем заключается функция мировоззрения? Мировоззрение дает человеку возможность действовать, так как нужно!

Султанов в эти минуты подумал о том, что коллега, безусловно, прав, но его часто заносит, что много в нем негатива и это плохо. Если бы он сам глубоко понимал свое зло, то мог бы и понять свои личные жизненные сценарии. Ведь через них лучше понять себя. Однако.... Обществу важно различать в оценке лиц непреходящие достоинства или заслуги, а также людские преходящие их слабости и заблуждения. Вспомнилось, как многие годы Алимову не давал продыху директор института профессор Новикова, обвиняя его в пьянстве на работе, прогулах, недисциплинированности, распущенности.

– Ученый, недостойный в своей личной жизни, будет недостойн и в научной, так как нельзя найти научную истину, мозгом, сердцем, загрязненными в приватной жизни, – громила его она на собраниях.

На защиту вставал профессор Трунов. – Уважаемая Надежда Сергеевна! Будьте снисходительны. К сожалению, жизнь не уберезет от нередких встреч с людьми, от которых идет сплошной негатив. Оглянитесь, вокруг вас достаточно много людей, которые вам, возможно, малосимпатичны и даже вовсе не располагающие к себе. Но тем старательнее нужно избегать того, чтобы приносить такие безотчетные и импульсивные оценки в отношении ученых мужей.

Султанов также выступил со словами защиты. – Вот посудите сами. Именно Алимов является самым продуктивным научным работником, хотя у него бывают срыв, о которых вы сказали. Да, он неудобен, ершист, но как ученый он на своем месте.

И Трунов, и Султанов были убеждены в том, что ученые всегда ответственны лишь за свои идеи, а не их отображения в общественной жизни. В этом плане, им казалось естественной и справедливой желание оправдать того или иного ученого перед историей науки, перед трибуналом разума, стремление понять и примирить этически разрыв ученого и человека.

– При такой человеческой слабости, как пьянство, естественно, жизнь и научная деятельность всегда стоит под угрозой раствориться в лени, бездельи, болезни. Поймите меня правильно, что в жизни если даровитые и сильные натуры не нуждаются в противоборствующих стимулах, то для натур инертных, слабых и безвольных, как Алимов, встречи с недоброжелателями или противниками его научного стиля или темперамента крайне неблагоприятны, – оправдывалась профессор Новикова.

Алимов, Алимов... Чертовски прав во многом, но циник циником. По сути, это и есть тот самый психический спазм или профессиональное выгорание специалистов, проявляющейся не только умственной усталостью, но и отвращением к своему делу. Таким слабым и безвольным людям, можно только посоветовать: уйти глубоко в науку, – считал Султанов. – А ведь есть такие. Скажем, тот же Салымбеков – научный сотрудник из соседней лаборатории. Вот кого можно считать настоящим фанатом от науки. Выдающийся ученый, но мягкий, бесконфликтный человек, самый, что ни есть глубокий конформист, которому все равно, что происходит вокруг, что о нем говорят. Совершенно неприспособленный к жизни, у него был один единственный интерес – это поиск научной истины. Для него кроме науки ничего не существует. По сути, он и живет одной наукой, правда и неправда, добро и зло, справедливость и несправедливость его совершенно не колышет. Но верна ли такая позиция ученого?

Размышления профессор перервал Алимов. – Вот скажите Марат Султанович. Почему человечеству не выгодны мыслящие и грамотные люди?

– Наверное, потому что умные люди хотят этим самым умом понять, что значит правда и неправда, добро и зло, справедливость и несправедливость, как основы и предпосылки фундаментальных явлений и процессов. Именно такие люди становятся, как правило, возмутителями покоя и благополучия. Видимо поэтому, – заключил профессор.

Султанову почему-то вновь вспомнился Салымбеков. Никто так не любил говорить о здравом смысле, как он. Здравый смысл и истина – это были теми богами, которым он, по его словам, служил и молился. Однако... в жизни оставался нелепым человеком, мало кто обращал на него серьезное внимание, считая его чудаком и немного тронутым того... Когда он о чем-то рассказывает мягким, но отчетливым голосом, немигающими глазами он смотрит на тебя, но любой собеседник сразу же понимал, что он не видит его, что Салымбеков смотрит сквозь собеседника, что в мыслях своих он не здесь, не тут, а где-то далеко-далеко....

Алимов продолжал размышлять вслух: – Мы стали бояться мысли, как греха, а пытливого разума, как соблазителя, раньше, чем умели мыслить, чем пробудилась у нас пытливость. Потому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы ее принимали на веру.

– Согласен с тобой. Вышло, что научные истины мы превращали в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем научных суеверий и предрассудков.

– То-то, времена меняются, но не меняются люди. Менялось содержание мысли, но метод мышления оставался прежний, – не без злорадства сказал Алимов.

Пожалуй, с этим также соглашусь, – высказался Султанов, кивая головой.

– Веруй, но не умствуй, – такое девиз стал не только призывом религии, но и научного сообщества последних лет. Потому, не надо удивляться тому, что одни считают проблему зла величайшей загадкой, в то время, как другие, отказываются воспринимать эту же проблему, считая их несуществующей, – не скрывая своей злости Алимов. – Откуда эта глупость про непознаваемость реальности?

– Человек творит зло не во имя религии, но от ее имени, это точно, – сказал Султанов. – И вообще, кто они такие – носители зла? Нельзя сказать, что люди в открытую прославляют зло в чистом виде. Но такие есть среди людей, которые явно неслетные персонажи. А главное, реальные.

– Реальные, как головная боль с похмелья? – сказал Алимов.

Профессор подумал: – Надо же так сказать. Видать, ему – пьющему такая аналогия ближе по душу.

Алимов продолжал разглагольствовать. – К сожалению, наши мозги с детства накачивают дерьмом, задача школ, училищ и вузов не давать образование, а сделать человека еще одним винтиком в гигантской машине. Ведь нас не учат задавать вопросы, искать причину и применять научный метод в решении проблем, потому что невыгодно формировать у людей поведение, направленное на улучшение и изменение мира, направленное на поиск решений и ответов на вопросы, ведь задача политиков – сохранить действующий порядок вещей и не допустить улучшения обычного человека и общества в целом.

– А что вы понимаете под обычным человеком?

Алимов высказал целую тираду: – Для меня обычный человек – это, те, кто не задают вопросов, те, кто не хотят обмениваться мнениями. Обычные люди очень многое проецируют, и страдают из-за этого. А вообще, человек страдает ровно настолько, насколько его представления о мире не соответствуют реальности. И всё, что я могу сказать о таких людях – это то, что они очень сильно ограничены, у них примитивная и искусственная система ценностей, но они в этом не виноваты, их сделала такими среда, в которой они выросли, мы все жертвы нашей культуры, все мы.

– И что же получается? – пытливно спросил профессор.

– А то, что вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то же мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме, – ответил Алимов и добавил. – Иными словами, чтобы решить проблему, нужно изменить подход к оценке этой ситуации. Изменить мышление.

На некоторое время в кабинете воцарилось молчание. За окном начался дождь. Каждый сидел, где сидел и отрешенно думали о чем-то своем. Пауза неловко затягиваясь.

– Несколько лет тому назад прочитал книгу «Клон дервиша», – начал разговор профессор. – Интересная книжонка о том, как «оживили» одного из учеников Ибн Сины.

– Да, читал, – подключился к разговору Алимов.

– Ринат Каримович! Вопрос на засыпку: – Если бы тебе пришлось воспользоваться такой технологией, какую знаменитую личность воскресил бы? Кто был бы этот человек и почему?

– Я оживил бы Франкенштейна. Почему? Да потому что именно он создал технологию улучшения сознания людей. На мой взгляд, это самая нужная технология для ученых, – сказал Алимов. – Причем, настоящих.

– Ну, а почему только для настоящих ученых?

– Ну, посудите сами. Какой смысл оживлять президента, если нет уже государства или президентское кресло уже занято другим. Нет смысла воскресить военачальника, если нет уже его войска, а военная технология далеко ушла вперед. В этом отношении настоящий ученый, имеющий четкую логику и хороший стиль мышления, меньше привязан к своему времени и к своей обстановке. Он может «догнать» науку и что-то может сделать даже в одиночку.

Лучше промолчу – думал Султанов, в чем-то соглашаясь, а в чем-то, категорически не соглашаясь с мнением Алимова. Однако, в нем проснулся исследовательский интерес, а что, если продолжить слежение за реакцией своего собеседника на проблему добра и зла. Это был его продуманный в себе новый паттерн поведения в общении с такими людьми, как он.

Да. Алимов, по своей сути был философом, но совершенно на них не подходил ни внешне, ни внутренне. Легко возбудимый, вспыльчивый, вечно под мухой. Вспомнив о своем представлении в молодости о философах, – Султанов улыбнулся. – В обычной жизни он представлял их благородными мужами, спокойными, вдумчивыми, отстраненными, погруженными в свои глубокие мысли. Вспомнил высказывания Ф. Ницше. «... истинный философ живет „не по-философски“, то есть не мудро и благоразумно. Наоборот, он живет не умно, подвергаясь из-за этого многим испытаниям и искушениям жизни», – писал философ. Действительно, может и прав Ф. Ницше, когда утверждал о том, что истинный философ – это человек «больной совестью» своего времени, представляющий подобно вивисектору, нож к груди своих современников.

– Ринат Каримович! Я знаю, что не веришь ни в бога, ни в черта. Раз ты сам заговорил о зле, спрошу у тебя вот о чем. Интересно, как же бесконечно добрый Бог мог создать кого-то, способного совершать зло?

– Вы правы, боготворчеством никогда не занимался, ибо я ученый, – оживился Алимов. – Ну, а что касается общеизвестного мифа, то будто бы Бог сам не создавал зло. Получается, что один из созданных Богом ангелов слишком много о себе возомнил, возгордился и взбунтовался, отказавшись подчиняться Богу. Говоря простым языком, этому ангелу попросту снесло крышу. Его и обозначили причиной или даже сущностью зла. Чистейшей воды мракобесие. Человек – вот кто является источником зла! Нужно правильно воспринимать жизнь и реальность в ней, – усмехнулся Алимов.

Султанов усмехнулся и как бы подыгрывая сказал: – Ринат Каримович! А может Богу показалось скучным сидеть и творить только Добро, а потому решил немного позабавиться кулачными боями.

– То есть Бог вдруг решил создать Зло и вывести его на ринг против Добра? – рассмеялся Алимов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.